

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

DOI: 10.17805/zpu.2017.3.13

«Говорить с русскими от имени русских». Русская эмиграция в планах американских спецслужб в начале холодной войны

А. Б. Ручкин

ЦЕНТР ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ «ГРИНТ», г. МОСКВА

В статье рассматриваются планы американских спецслужб по использованию русской эмиграции в Европе и США в начальный период холодной войны. Ухудшение двусторонних отношений вновь делает актуальной проблематику, связанную с полувековым военно-политическим противостоянием супердержав. Изучение исторического опыта необходимо сегодня для выявления форм и методов использования национальной диаспоры в интересах иностранных государств, что является критически важным для понимания возможного развития событий и выработки актуальной и вариативной политики в отношении соотечественников за рубежом.

Представления американских спецслужб о социальном составе, общественно-политической структуре, центрах притяжения политических сил эмиграции реконструируются на основе рассекреченных документов Государственного департамента США, Центрального разведывательного управления, материалов заседаний межведомственных групп и комиссий, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Процесс создания сотрудниками американских спецслужб в конце 1940 — начале 1950-х годов американских и русских общественных объединений в Америке и Европе, выступавших в роли организаций прикрытия для операций информационно-психологической войны, изучается на примере Американского комитета освобождения народов России и Совета освобождения народов России. Автор выявляет причины, по которым создание единой эмигрантской антикоммунистической организации как инструмента политической войны было признано неперспективным уже в начале 1950-х годов, формулирует общие концептуальные подходы американских спецслужб к использованию русской эмиграции на фронтах холодной войны, в том числе сохранившие свою актуальность до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: США; русская эмиграция; Русское зарубежье; русская иммиграция в США; холодная война; российско-американские отношения

ВВЕДЕНИЕ

Российско-американские отношения снова переживают не лучшие времена. Политическая неопределенность приводит к сокращению экономического, культурного и научного сотрудничества между нашими странами. Русские в США оказываются заложниками геополитических конфликтов и внутривнутриполитических скандалов, связанных с Россией. Общественные организации русской диаспоры вынуждены приспособиться к меняющемуся медийному и социальному ландшафту, все чаще напоми-

нающему о временах «красной угрозы» 1920-х годов или «охоты на ведьм» 1940-х. Как будут использованы интеллектуальные ресурсы и кадровый потенциал русских американцев? Каким станет вектор взаимодействия организаций диаспоры и институтов страны пребывания? Эти вопросы остаются открытыми.

В сложившихся условиях обращение к историческому опыту русской диаспоры, всегда испытывавшей небескорыстное внимание государственных структур и спецслужб стран пребывания, является критически важным для понимания возможного развития событий и выработки актуальной и вариативной политики в отношении соотечественников за рубежом.

При всем многообразии зарубежной научной и публицистической литературы о холодной войне участие в ней политической эмиграции остается сравнительно малоизученным направлением (Inauguration ... , 2013). Внимание исследователей привлекали наиболее яркие сюжеты, связанные с диверсионно-разведывательными операциями, организацией радиовещания на Советский Союз, становление советологии как научного направления и учебной дисциплины, перипетии идеологического противоборства на культурных и литературных фронтах (O'Connell, 1990; LaFeber, 2004; Lucas, 1999; Puddington, 2000). Русская эмиграция как предмет исследования оказалась недостаточно значимой на фоне пантеона полководцев и государственных деятелей, глобальных кризисов и локальных конфликтов холодной войны и вместе с тем слишком сложной, чтобы быть исследованной в рамках «этнического антикоммунизма» как особого «феномена североамериканской политической жизни, представляющего удачный синтез лояльности к оставленной Родине и американского патриотизма» (Anti-communist minorities in the U.S, 2009: 3). Антироссийская направленность последнего делает его востребованным и сегодня, что, в свою очередь, приводит к замалчиванию зависимости эмигрантских лидеров от американских государственных структур, представлению случаев их использования спецслужбами как «относительно нечастых», а обвинения в связях с нацистами и коллаборационистами как надуманные и усложняющие «изучение деятельности эмигрантских объединений в послевоенной Европе» (там же: 15). Эти положения требуют коррекции и уточнения на основе документальных источников, что делает исследования в этой области научно и общественно актуальными.

Отечественная историография отличается многоплановым подходом к истории русской политической эмиграции в годы холодной войны. В советский период об использовании русской эмиграции американскими спецслужбами писалось буквально по горячим следам того или иного эпизода противостояния при содействии сотрудников КГБ, ответственных за идеологическое противостояние (Яковлев, 1983; Шкаренков, 1987; Ильинский, 2007). В постсоветский период тема получила развитие в общих работах по истории общественных движений и политических партий русской эмиграции, русской диаспоры в США (Нитобург, 2005; Ульянкина, 2010; В поисках истины ... , 1997). Деятельность русских эмигрантских организаций в 1940–1950-е годы была обобщена П. Н. Базановым (Базанов, 2008), создавшим, по сути, энциклопедию издательской деятельности русской политической эмиграции, А. В. Антошиным (Антошин, 2008), показавшим русскую эмиграцию в США в условиях холодной войны через комплекс внутридиаспоральных личных связей и общественного взаимодействия. Отдельные сюжеты, связанные с участием американской разведки в европейских эмигрантских делах, освещались при изучении «гарвардского проекта» (Кодин, 2003), политических совещаний русских общественных организаций и политических групп

в Германии (Попов, 2004; Карпов, 2000; Климович, 2015). Использование зарубежных и российских архивных материалов значительно расширило представление о протекавших процессах в общественной среде русского зарубежья. Привлечение значительного фактического материала из личных коллекций русской эмиграции, видение общественно-политических процессов «глазами» самих участников, наряду с объективным стремление отойти от упрощенного видения внешнеполитического противостояния столь характерного для проблемной историографии советского периода, привело к идеализации действующих лиц эмиграции, затушевыванию их связей с государственными структурами и спецслужбами стран пребывания.

Рассекреченные архивные материалы, уже вызвавшие общественный и научный резонанс, проливают свет на закрытые страницы истории русской эмиграции в США, позволяют уточнить и скорректировать широко распространенные в эмигрантской среде и проблемной историографии представления о планах американских стратегов по формированию правительства в изгнании из состава русской эмиграции и содействию ему в освобождении и последующем обустройстве посткоммунистической России. Наибольший интерес для освещения проектов вовлечения эмиграции в информационную войну с СССР представляют документы Управления политического планирования Государственного департамента США, Управления политической координации Центрального разведывательного управления; материалы межведомственных встреч представителей ЦРУ, Государственного департамента, Министерства обороны, ФБР, относящиеся к 1946–1951 гг., т. е. к начальному периоду холодной войны, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ «СДЕРЖИВАНИЯ»

Укрепление международного авторитета СССР после окончания Второй мировой войны вызвало глубокое беспокойство бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Ответом администрации президента Г. Трумэна стала политика «сдерживания». Реализация внешнеполитического курса, направленного на поддержание сложившегося положения, сопровождалась разработкой наступательных военных стратегий, предусматривавших полное уничтожение СССР, и секретных проектов информационно-психологического воздействия на население страны-противника, призванных ослабить возможное сопротивление. В условиях, когда обе стороны стремились избежать прямого военного столкновения, идеологическое противоборство выдвинулось на первый план. Американские политики сфокусировали свое внимание на морально-психологическом разложении советского населения, выявлении слоев и групп, недовольных своим положением, постепенной трансформацией этого недовольства в протестное движение, а затем в организованное сопротивление. В процессе подготовки планов по деморализации населения СССР выявилась неготовность американских военных к «политическому и психологическому конфликту с Советским миром» (Lucas, 1999: 57) ввиду катастрофического незнания и непонимания своего противника, настроений и ожиданий советских граждан, на которых они собирались воздействовать. Потребовалась мобилизация всех интеллектуальных ресурсов для разработки военно-политического арсенала, для которого «все, что могло послужить делу борьбы с коммунизмом, должно было быть превращено в “оружие”» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс).

Русская эмиграция представлялась идеальным союзником в борьбе с коммунизмом. Спустя всего несколько лет после окончания Второй мировой войны она оказа-

лась в поле зрения американских политиков уже не как бесправная беженская масса, застывшая на всех континентах в ожидании неминуемой репатриации, а как «потрясающее оружие политической войны», которое нужно «использовать при первой же возможности» (Kelley Memorandum ... : Электронный ресурс). Варианты использования этой социальной группы просчитывались для различных сценариев. В условиях недостатка знания и понимания о происходящем за «железным занавесом» наиболее важной казалась роль эмиграции как информационного посредника: «Западные демократии могли бы установить контакты с массами русского народа внутри Советского Союза» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс). В случае обострения внутривнутриполитической ситуации в России (в конце 1940-х годов надежды на это связывались с неожиданной смертью И. В. Сталина) эмиграция могла рассматриваться как обученный и подготовленный резерв, и наконец, в ходе войны организованная эмиграция могла стать основой «движения, которое мобилизует русский народ против своих правителей и освободит силы внутри страны, которые нанесут вред коммунистическому режиму» (Kelley Memorandum ... : Электронный ресурс). Квинтэссенцией американской внешнеполитической доктрины «сдерживания» применительно к русской эмиграции можно считать следующее положение: «...самый эффективный путь сдержать продвижение воинствующего коммунистического режима за границей, это подорвать доверие к нему дома, и русская эмиграция очень хорошо подготовлена, чтобы сыграть важную роль в этой работе» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс).

СОЦИАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Насколько сама русская эмиграция была готова к выполнению возлагаемых на нее задач? К концу 1940-х годов общую численность русских эмигрантов определяли приблизительно в 3–4 млн человек (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Электронный ресурс). В попытках разобраться с политической и общественной структурой эмиграции, как правило, начинали с деления по волновому признаку, т. е. времени появления и, соответственно, пребывания на Западе.

В научной литературе в качестве первой иммиграционной волны с территории Российской империи принято отмечать массовую трудовую миграцию начала XX в. В документах ЦРУ отмечалось, что такой же точки зрения придерживались и советские спецслужбы, считавшие дореволюционную эмиграцию в Америку важным объектом для наблюдения (Return of émigré ... : Электронный ресурс). Однако каких-либо проектов, связанных с дореволюционной эмиграцией, в документах Центрального разведывательного управления обнаружить пока не удалось. Возможно, длительность пребывания в США, планомерная работа по искоренению коммунистических настроений и просто сочувствия к Советской России или признание этой аудитории сферой ответственности ФБР исключили ее из поля зрения специалистов по внешней разведке.

Для специалистов по внешней политике русская эмиграция начиналась с событий 1917 г. Постреволюционная эмиграция воспринималась как осколок русского общества, сохранивший многие лучшие черты и достижения национальной культуры. Дж. Кеннан, признанный эксперт по России и американский дипломат, размышляя о традициях русской культуры как «исключительно важной части общего культурного прогресса человечества», отмечал интеллектуальные и культурные достижения русской эмиграции в США, значительное количество «инженеров, ученых, писателей,

художников» среди «уроженцев России» и «людей русского происхождения» (Кеннан, 2001: 90). Практики антикоммунистической войны считали крайне желательным вовлечение в политическую борьбу всех «стоящих элементов русской эмиграции», в том числе «многих очень способных людей среди старой эмиграции, услуги которых были очень ценны, принимая во внимание их высокий интеллектуальный уровень, знание Западного мира, и большого опыта в политических делах» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс).

«Старая эмиграция», состоявшая из ветеранов Белой армии, насчитывала, по разным оценкам, более 2 млн человек и состояла, по мнению экспертов ЦРУ, из представителей «преимущественно высших классов — офицерского состава и интеллектуальной элиты» (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Электронный ресурс). Более точные оценки социального состава эмиграции этой волны мы находим в материалах Федерального бюро расследований, обратившего внимание на эту группу значительно раньше специалистов внешней разведки. Наблюдение за политическими группами русских эмигрантов в США велось по крайней мере с 1920-х годов (уже после почти полного разгрома русских общественных организаций в период «красной угрозы», когда организованная жизнь русской колонии практически прекратилась) и включало как представителей рабочего и профсоюзного движения, так и высшего общества и интеллектуальных кругов. ФБР следило за наиболее активными членами русского эмигрантского сообщества, известных своими антикоммунистическими взглядами. Так, в случае с М. М. Карповичем, русским историком, профессором Гарварда, последовательно выступавшим против Советского Союза, информация о его выступлениях, участии в общественных мероприятиях и организациях собиралась с 1930-х годов (Diamond, 1992: 61). В послевоенный период американские спецслужбы крайне ревностно относились к попыткам «коллег» вести работу на территории друг друга и скорее терпели «сотрудничество», чем дополняли друг друга. В конце 1940-х годов сотрудники ЦРУ на межведомственных встречах, проходивших «в сердечной обстановке» (Office of Policy Coordination and Free ... : Электронный ресурс), информируя высшее руководство ФБР и лично Дж. Гувера о планируемой работе с русскими эмигрантами в США, объясняли свое участие тем, что, хотя «операция очевидно разворачивается на территории ФБР», в значительно большей степени она разворачивается «за пределами США» (там же). Руководитель ФБР высказался за координацию деятельности на американской земле, тем более что в рамках планируемых операций ЦРУ «будет иметь дело со многими персонажами на американской сцене, с которыми ФБР уже установлен контакт и информация о которых уже собрана ФБР, и было бы хорошо, чтобы, прежде чем рабочие контакты устанавливались с теми или иными лицами, информация о них была бы сверена с ФБР» (там же). Сходились спецслужбы в одном. Приоритетом для межведомственной координации оставались секретность проводимых действий и отсутствие даже намека на участие в этом официального Вашингтона (там же).

Эмиграцию межвоенного периода и военных лет часто объединяли под термином «новая эмиграция». Известно, что за годы Второй мировой войны с оккупированных территорий Советского Союза было угнано в Германию и другие страны 4 794 086 советских граждан, около 5,7 млн советских военнослужащих оказались в германском плену (Эмиграция и репатриация ... , 2001: 73). После окончания репатриационных мероприятий, по различным оценкам, около 800 тыс. советских граждан отказались вернуться на родину (там же: 81). За них между бывшими союзниками развернулось пол-

номасштабное «сражение за беженцев», которое стало «первым прямым столкновением рождающихся супердержав по вопросу о диссидентах» (Cohen, 2012: 19). Уже 4 сентября 1945 г. командующий американскими войсками в Европе генерал Д. Эйзенхауэр отдает негласное распоряжение, временно приостанавливающее «до выработки новой интерпретации» действие ялтинского соглашения о «ди-пи» (DP — displaced persons, перемещенные лица) — принудительную выдачу советским военным властям перемещенных лиц, не желающих репатрироваться в СССР. Принятые законодательные акты — Закон о перемещенных лицах 1948 г. и дополнивший его Акт от 16 июня 1950 г. увеличили до 400 тыс. общее число перемещенных лиц, разрешенных к въезду в США (Филиппов, 1973: 53). «Новая эмиграция» представлялась многочисленной, разнородной массой, включавшей представителей всех социальных групп советского общества. Предшествующей волне она проигрывала в образовательном уровне (в документах отмечалось, что не более 10% новых иммигрантов имели то или иное профессиональное образование) и в способности политической самоорганизации. По оценкам американских экспертов, лишь 3% от общего числа «новой эмиграции» принимали активное участие в деятельности политических организаций (Problems and programs ... , 1954: Электронный ресурс). Не хватало «способных и признанных лидеров», которых в новой эмиграции было «еще меньше, чем в предшествующей волне» (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Электронный ресурс).

Все эти недостатки, по мнению экспертов американских спецслужб, компенсировались морально-волевыми качествами вновь прибывших. Новые эмигранты испытывали значительно большую «ненависть к коммунизму» и не просто стремление, а подчеркиваемое в документах «страстное желание» бороться за освобождение своей страны от правления коммунистов, не растраченное, как эмигрантами первой волны, в идеологических спорах на чужбине в 1920–1930-х годах. Во-вторых, бывшие советские люди, прошедшие горнило войны, представлялись американцам «более жесткими и беспощадными», чем старая эмиграция. В-третьих, они обладали жизненным опытом и знанием людей, «проживших большую часть своей жизни при Советской системе» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс). Одним словом, новая эмиграция стала рассматриваться как «очень ценный союзник» (там же).

К «новой эмиграции» стали относить тех, кто покинул территорию СССР или стран Восточного блока после окончания Второй мировой войны. Ее составляли переребечики, военные дезертиры, невозвращенцы, бывшие «внутренние эмигранты», принявшие решение бежать по идейным соображениям. К началу 1950-х годов их число достигло 30 тыс., однако самостоятельной силой они не являлись, участвуя в деятельности тех организаций, которые могли им предложить лучшие условия.

К концу 1940-х годов политической столицей российского зарубежья становится Нью-Йорк. Здесь возрождаются и ведут активную общественную работу многочисленные враждующие политические группировки. Общим для эмиграции остается неприятие большевизма и советского строя. В остальном программы представляют собой «чересполосицу» политических платформ дореволюционных партий, эмигрантских объединений межвоенного периода и власовского движения. В документах спецслужб находим интересную попытку классифицировать политическую жизнь эмиграции по «центрам притяжения сил», в качестве которых выделялись: социалистические партии, Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), либеральные демократы, Народно-трудовой союз (НТС) и монархисты (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс).

По общему мнению, левые партии доживали свой срок, сосредоточив всю свою деятельность вокруг газетной полемики, интересной для узкого круга постоянных читателей. Беспольные для борьбы с СССР партии и группы получают в документах спецслужб резкие, иногда уничижительные характеристики. Так, партия меньшевиков, объединившаяся вокруг издания «Социалистического вестника» в Нью-Йорке, представляла собой небольшое число «пожилых доктринеров и узко мыслящих лидеров, чья сила состоит только в их связях с бывшим Вторым интернационалом с другими социалистическими партиями» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс). К концу 1940-х годов некогда влиятельная сила была уже «и не рабочей партией, и не движением» (там же). К середине столетия перестала существовать и некогда «внушавшая страх и очень активная марксистская — террористическая организация» (там же) — Партия социалистов-революционеров.

Однако ряд политических лидеров сумели использовать возникшую волну общественного интереса к политической деятельности и направить энергию эмигрантских масс в организованное русло. В Нью-Йорке в 1948 г. для «координации левых сил на демократической основе» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс) была создана Лига борьбы за народную свободу. Возглавляли организацию в этот период А. Ф. Керенский и Б. И. Николаевский.

Участие в лиге «давно забытого Керенского» (там же), единственной сильной чертой которого, по мнению американских экспертов, оставалась «легитимность его притязаний на власть как главы последнего российского правительства до большевиков» (там же), тем не менее выделило организацию из общей массы эмигрантских объединений. Активная публичная деятельность самого А. Ф. Керенского, поддержка лиги со стороны американцев, освещение ее деятельности в прессе, декларируемое стремление к широкой коалиции старой и новой эмиграции, включая бывших власовцев, не могли не вызвать слухов и надежд на создание правительства в изгнании. Лига оставалась в поле зрения американских спецслужб до начала 1950-х годов. После окончания эксперимента с созданием единой эмигрантской организации она была лишена финансирования, забыта и вскоре прекратила свое существование.

Союз борьбы за освобождение народов России рассматривался американскими экспертами в качестве наиболее сильной, активной и спаянной организации, нацеленной на «освобождение России», с налаженной системой ведения пропаганды и имеющей связь с подпольными организациями в СССР. Идеологически базируясь на положениях Пражского манифеста 1944 г. Комитета освобождения народов России как политической структуры армии генерала А. А. Власова, СБОНР сумел объединить многочисленных сторонников из числа новой эмиграции. На пике своей активности Союз насчитывал почти 4000 членов, рассеянных по всему миру, в том числе со «значительным количеством последователей в США» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс). По своим идеологическим воззрениям это было самое левое из власовских объединений. Считалось, что идеологически группа была достаточно близка «к правому крылу Социалистической партии Германии, при этом ни в коем случае не являясь марксистской» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс). В конце 1940-х годов СБОНР входил в Лигу борьбы за свободу народа на правах коллективного члена (Базанов, 2008: 291). На рубеже десятилетий председателем организации был Н. А. Троицкий (Б. Яковлев), впоследствии — директор Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, один из активных участников процесса создания политического объединения эмиграции.

В конце 1940-х годов вместе со СБОНР в документах упоминается Союз воинов освободительного движения (СВОД), являвшийся его военной организацией. Часто СБОНР и СВОД рассматривались американской стороной как единая группа. Руководителем организации в конце 1940-х годов был М. А. Алдан. После завершения общественной деятельности он продолжил карьеру в качестве преподавателя в системе Вооруженных сил США. Что касается организаций, то в конце 1960-х они сольются и продолжат свою деятельность до середины 1980-х годов. Сильной стороной этих организаций считалось хорошее знание ее участниками «мыслей и эмоций русского народа и Советской армии», умение в ходе пропагандистских мероприятий находить с ним общий язык (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс) и тщательный отбор членов, препятствующий проникновению в состав организации враждебных элементов. Значимыми проблемами были нехватка средств и отсутствие лидеров. Последнее стало следствием того, что по условиям Ялтинских соглашений военное командование вооруженных сил США передало Советской армии не только генерала Власова, но и многих других авторитетных и способных руководителей-коллаборационистов (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс) И то и другое планировалось исправить при помощи ЦРУ, в том числе за счет возможного «слияния с РОВС или НТС» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс).

Главным препятствием для распространения влияния СБОНР среди эмиграции и советского населения была печать коллаборационизма, которой были отмечены все бывшие власовцы. Такая репутация существенно затрудняла «публичные или частные выступления и активность в США» и ограничивала поле деятельности организации Германией (там же).

Неприятно коллаборационизма стало для американских спецслужб роскошью уже к концу 1940-х годов, когда они перестали испытывать «значительные угрызения совести, работая с отдельными лицами или организациями, которые сотрудничали с Германией во время войны» (Albanese, 2015: 61). На государственном уровне была признана целесообразность привлечения специалистов из Германии для работы над военными проектами. В 1948 г. принимается решение о допуске в США ежегодно 250 беженцев, не попадающих под стандартные проверки личности на благонадежность. По некоторым данным, по крайней мере 200 из 250 имели те или иные связи с нацистами в годы войны и тем не менее получили беспрепятственный доступ в страну (Lucas, 1999: 65). По оценкам американских исследователей, в 1948–1952 гг. около 10 тыс. военных преступников и коллаборационистов были допущены в США (O'Connell, 1990: 203). Многие из них продолжили борьбу на идеологическом фронте, активно участвуя в государственной программе ведения информационно-психологической войны.

В конце 1940-х годов либерально-демократическое направление все больше теряло свое влияние. Американцев расстраивали его слабость и отсутствие укоренившихся либеральных традиций среди широких эмигрантских масс. Этот недостаток русской эмиграции не мог быть устранен очень быстро. В документах отмечается невозможность «привить» либеральное мировоззрение за рубежом в короткие сроки, так как либеральная традиция формируется в ходе длительных «глубинных органических политических процессов» (Главный противник ... , 2006: 196), протекающих на национальной почве. Практическим выводом этих наблюдений стало институциональное недоверие к носителям русского либерализма. И потому, несмотря на существование в среде русской эмиграции нескольких «интересных и достаточно влиятельных политических группировок, которые в той или иной степени декларируют приверженность

либерализму», степень их приверженности подвергалась сомнению и в эмиграции, и в особенности в случае прихода к власти их способность и готовность «удержать власть в своих руках, не прибегая к полицейским методам и террору» (там же).

Среди либерально-демократических организаций на особом положении у американских наблюдателей был Союз борьбы за свободу России, созданный после Второй мировой войны историком и политиком русского зарубежья С. П. Мельгуновым. Группа Мельгунова разделяла позицию «непредрешенчества» и стремилась к созданию широкой либерально-демократической коалиции, простирающейся вправо от политического центра до позиций конституционных монархистов (Антошин, 2008: 111; Базанов, 2008: 303). В документах американских государственных служб неоднократно отмечалось, что важность эмигрантской организации могла не зависеть от ее размера, так как «некоторые из них, оставаясь незначительными по размеру, оказывали важное влияние на образ политического мышления всей эмиграции благодаря качествам и позиции их лидеров» (Problems and programs ... , 1954: Электронный ресурс). В полной мере это заключение экспертов Госдепа относилось к деятельности мельгуновской группы. Союз не только выделялся уровнем политической и общей культуры на поредевшем фоне эмиграции, но и оказывал влияние на «политические дела» эмиграции (там же). Ярко заявив о себе в начале и приняв активное участие в процессе создания единого демократического движения, группа просуществует до начала 1960-х годов.

Национально-трудовой союз (НТС) привлек внимание американских государственных структур по ряду причин. Отмечалось, что он собрал под свои знамена «многих способных людей, по идейным соображениям целиком посвящающих себя борьбе против большевизма» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс). Организация, возникшая в среде русской эмиграции в 1930-е годы, после окончания войны стала одной из крупнейших, объединяя почти 2 тыс. членов. В рассматриваемый период во главе ее находился В. М. Байдалаков (Базанов, 2008: 306), поддерживавший тесные личные контакты с представителями американских государственных структур. Идеологически организация являлась праводемократической. Недостатком организации считалось стремление его руководства работать самостоятельно, поддерживать широкий круг партнерских отношений, в том числе и с разведслужбами разных стран (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс). НТС сумел пережить годы изгнания и вернуться на родину, продолжив работу уже в демократической России.

Среди национально-патриотических организаций русской эмиграции, действовавших в США и в Европе, особого внимания спецслужб удостоился Русский общевоинский союз (РОВС), созданный ветеранами Белого движения. Американцы считали эту организацию старого русского офицерского корпуса во многом образцовой. Она оставалась одной из самых многочисленных и в то же время лучше всего управляемой группой. Главным недостатком, неуклонно снижающим ценность этого объединения, был возраст ее членов. В конце 1940-х годов он превышал 57 лет, что делало организацию скорее клубом по интересам, чем «реальным политическим фактором» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс). Монархические объединения, созданные постреволюционной эмиграцией в 1920-е годы, активизировали свою деятельность в 1945–1949 гг., рассчитывая на прилив молодой крови. Надежды не оправдались, новая эмиграция оказалась невосприимчивой к идеологии этого направления. Старые организации, такие как Высший монархический совет или Русский имперский союз, сохраняя ядро, не превышавшее 200 человек, неуклонно старели и, хотя по-прежнему

попадали в обзоры организаций российского зарубежья, все больше воспринимались, как и кадетские объединения, как социальные организации, «не имеющие практической ценности для ведения борьбы» (Russian émigré ... , 1951: Электронный ресурс).

Обзор доступных сегодня документов государственных структур США о положении дел в эмиграции свидетельствует о том, что американские эксперты располагали в целом реалистичной картиной общественной и политической жизни эмиграции и не испытывали особых иллюзий о потенциале этого ресурса в антикоммунистической борьбе. Кроме ненависти к советскому строю и надежд на возвращение в посткоммунистическую Россию, эмиграция имела мало общего. По мнению первого директора ЦРУ Роскоу Хилленкоттера, организации эмигрантов были «в высшей степени нестабильны и ненадежны, разделены личным соперничеством и идеологическими различиями и в основном озабочены тем, как укрепить свои позиции в Западном мире» (цит. по: Albanese, 2015: 62).

Тем не менее совсем отказаться от использования такого ресурса было непозволительной роскошью. Преодоление разобщенности эмиграции планировалось через ее объединение на умеренно демократической платформе, что позволило бы ей «сослужить бесценную службу силам Западных демократий в их борьбе против Московской диктатуры (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс).

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО ПРЕВРАЩЕНИЮ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ОРУЖИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Присутствие значительного числа русских эмигрантов в Европе в непосредственной близости от линий соприкосновения с Советским блоком подталкивало спецслужбы к выработке простых решений об использовании эмигрантов. В Вашингтонских коридорах витали идеи создания вооруженного контингента «Добровольческих корпусов Свободы» из числа эмигрантов из восточноевропейских стран, изучалась возможная реакция Советского Союза и европейских партнеров на появление таких войск. Надежды на продолжение вооруженного противостояния с коммунистической Россией сохранялись в беженских лагерях в американской зоне оккупации Германии до мая 1949 г. Так и не сбывшиеся обещания о формировании «русской добровольческой армии» раздавали лидеры эмигрантских организаций, в свою очередь «получая эти обещания от ответственных сотрудников американских ведомств» (Russian Emigrant ... , 1950: Электронный ресурс).

Компромиссным военным решением стало активное использование русских эмигрантов для проведения разведывательной и диверсионной работы. Военная подготовка первых групп началась уже в 1947 г., но из запланированных для военных операций 1000 человек удалось привлечь только 17, которые прошли военную подготовку на базе в Мэриленде, обошедшуюся американским налогоплательщикам в 30 000 долларов за каждого «бойца за свободу» (Lucas, 1999: 72). С сентября 1949 г. начинается проект массовой заброски на территорию СССР диверсионных групп, набранных из тех, кто «предпочел бороться с русскими или коммунистами, а не отсиживаться в лагерях ди-пи или эмигрировать в Бразилию» (там же: 66). Наиболее активно из эмигрантских организаций в этом участвовали члены НТС. Несмотря на масштабность предпринятой акции, значительная часть групп почти сразу обезвреживалась советскими органами безопасности. Единицы из заброшенных агентов выходили на связь для передачи сообщений. Эти операции по сбору, как оказалось, «тривиальной, фрагментарной, искаженной и устаревшей... если не сфабрикованной» информации были

в итоге расценены как полный провал, оплаченный «сотнями жизней американцев и русских эмигрантов» (Blum, 2004: 114).

Все же большую ценность русская эмиграция могла представлять как источник информации о СССР. В марте 1948 г. в Государственном департаменте США был подготовлен секретный доклад «Использование беженцев из Советского Союза в национальных интересах США» (Кодин, 2003: 48), где указывалось на необходимость поддержки эмиграции из СССР, которая является источником недостающей информации для «текущей разведдеятельности», и постоянного изучения возможности ее применения в информационно-политических операциях (Diamond, 1992: 105).

Параллельно в Вашингтоне искали применение всей эмиграции из Восточной Европы. В 1947 г. Координационный комитет армии, флота и госдепартамента рекомендовал вести поиск политических фигур среди восточноевропейских беженцев, которые могли бы стать «потенциальным ядром возможных комитетов освобождения, способствующих движению сопротивления коммунизму и связям с подпольем в советском мире» (Lucas, 1999: 65). Результаты работы были сформулированы Дж. Кеннаном в концепции «политической войны», принятой на вооружение Советом национальной безопасности. Согласно предложенной стратегии энергия политической эмиграции из стран советского блока должна была аккумулироваться вокруг создаваемых комитетов освобождения или центров «национальной надежды», «открыто возглавляемых выдающимися политическими беженцами из Советского мира», которым «для поддержания на плаву» должен был обеспечиваться доступ к «печатному станку и микрофону» (George F. Kennan ... : Электронный ресурс).

Принципиально новым для внешнеполитической практики стало создание общественной организации, выступавшей в качестве прикрытия официальной политики так, чтобы «ответственность правительства не была выявлена» (там же). Практической реализацией этого проекта стало создание Национального комитета Свободной Европы, контролирующего деятельность польских, чешских, болгарских, украинских, прибалтийских эмигрантов на протяжении полувека.

Первоначальные планы Государственного департамента США предполагали нечто похожее и для русской эмиграции. Однако процесс создания аналогичной русской организации — Русского благотворительного комитета (Russian welfare committee) — был скорректирован активной общественной деятельностью самой эмиграции. К моменту оформления идеи о создании русской эмигрантской организации в Европе уже активно работал комитет Центрального представительства российской эмиграции американской зоны, созданный для «решения культурных и материальных нужд русской эмиграции» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс). Организация уже установила рабочие отношения с военными и иммиграционными властями, получила поддержку Русской православной церкви. Как вынужденно отмечалось американскими экспертами, в данных условиях появление нового благотворительного комитета, в который вошли бы сотрудники, специально отобранные для решения этих задач, вызвало бы большое непонимание, неизбежно привело бы «к значительному противоречию с существующими организациями» и стало бы «объектом для подозрений с самого начала» (там же).

Вплотную к созданию политического объединения эмигрантов из СССР американские спецслужбы подошли летом 1950 г. (Office of Policy Coordination ... : Электронный ресурс). Дж. Кеннан, как представитель Госдепартамента США, поручил Управлению политической координации ЦРУ создать такой «политический центр», который мог бы

«говорить с русскими от имени русских» (там же). К осени 1950 г. план был разработан и одобрен. Он предполагал, во-первых, создание в Нью-Йорке американской общественной организации, выступающей в роли официального распорядителя средств и координатора проекта по взаимодействию с русскими эмигрантскими объединениями, при этом камуфлирующей интерес и вовлеченность американских государственных структур. И во-вторых, планировалось создание на территории Германии политической организации, которая объединила бы многонациональную эмиграцию из СССР.

Для координации использования русской эмиграции в идеологической борьбе был создан Американский комитет по освобождению народов России. Согласно первоначальному плану американская организация должна была быть небольшой по составу участников, состоять из известных людей, чей интерес к «русским вопросам» не вызывал бы подозрений и которые были проинформированы о целях, задачах и «фасадном» характере организации с самого начала, чтобы, как следовало из меморандума, «не было недопонимания на более поздних этапах деятельности» (Office of Policy Coordination ... : Электронный ресурс). Менялось название организации («Американский комитет по освобождению от большевизма», «Американский комитет по освобождению», Комитет «Радио Свобода», но не ее предназначение. История создания комитета прослеживается и по открытым источникам, хотя в них отсутствует упоминание об участии ответственных сотрудников спецслужб в становлении и деятельности этой организации. В январе 1951 г. на учредительной встрече комитета в Нью-Йорке присутствовали Ф. Уиснер с коллегами из ЦРУ и будущие члены комитета: проработавший несколько лет в СССР журналист, старший редактор «Ридерз дайджест» Юджин Лайонс (Eugene Lyons), историк, специалист по СССР Уильям Чемберлин (William H. Chamberlin), вице-президент Time Inc. Аллен Гровер (Allen Grover), издатель Уильям Витт (William L. Witte), профессор Гарварда Уильям Элиотт (William Y. Elliott). После встречи комитет был зарегистрирован по законам штата Делавэр как некоммерческая организация. Позднее в состав комитета вошли бывший губернатор штата Нью-Джерси Чарльз Эдисон (Charles Edison) и писатель и журналист Исаак Дон Ливайн (Isaac Don Levine). Ответственным за подбор участников был сотрудник ЦРУ Франклин Линдсей (Franklin Lindsay). В отличие от организации восточноевропейской политической эмиграции, открытие которой сопровождалось серией ярких публичных мероприятий, а участники разъезжали по стране с агитационными и просветительскими выступлениями, деятельность Американского комитета, как и планировалось заранее, была значительно менее открытой. По одной из версий, это было связано с желанием ЦРУ плотнее координировать деятельность организации, занимавшейся русскими делами (Puddington, 2000: 155). Финансирование осуществлялось через специально созданный на Среднем Западе фонд, ставший официальным спонсором комитета. Связь в Вашингтоне не афишировалась, за финансовой поддержкой к официальным структурам открыто никто не обращался. Повседневной деятельностью организации руководил исполнительный директор Реджинальд Таунсенд (Reginald Townsend). Из офиса в Нью-Йорке осуществлялась связь с представительскими организациями в Европе (Office of Policy ... : Электронный ресурс).

Политическое объединение русских эмигрантов в Европе создавалось в качестве инструмента информационного воздействия на советское население. Самоорганизация эмиграции рассматривалась как второстепенная задача. Участники объединения подбирались исходя из практической полезности для «доставки» американской информации советскому населению, отгороженному «железным занавесом».

Американские спецслужбы выстраивали многоходовую комбинацию. Первоначальный узкий круг отобранных русских организаций должен быть расширен сначала за счет привлечения организаций, представляющих другие этнические группы, затем за счет все более широкого круга русских политических организаций и, наконец, полезных для общего дела частных лиц. Полученная общественная конструкция за счет разнообразных социальных связей ее участников обеспечила бы массовый и внушающий доверие канал распространения информации, направленный против советского режима.

На роль «учредителей» движения были выбраны четыре организации: НТС, СБОНР, Лига борьбы за народную свободу и группа Мельгунова. Объединение организаций русской эмиграции осложнялось «межгрупповой борьбой, бесконечным соревнованием за лидерство, мелкими ссорами и пререканиями между различными политическими группами» (*Recommendations on Utilization ...* : Электронный ресурс). Переговоры о создании политического центра с эмигрантскими организациями начались осенью 1950 г. Имя эмиссара американского правительства, направленного в Европу для проведения встреч с эмигрантами, до сих пор остается засекреченным. В американской историографии считается, что первые переговоры проходили при участии Спенсера Вильямса (Spencer Williams) как представителя Американского комитета освобождения народов России в Европе уже в 1950 г., хотя сама организация будет формально учреждена в феврале 1951 г. (O'Connell, 1990: 299). С. Вильямс не был единственным американцем, взаимодействующим с русскими эмигрантскими организациями в Европе. В это же время на территориях, контролируемых бывшими союзниками, проводится масштабный проект Гарвардского университета по интервьюированию советских беженцев, выполнявшийся по заказу американских военно-воздушных сил с целью выявления способов и средств нанесения максимального психологического воздействия на советских граждан в ходе массированных бомбардировок советских городов (см.: Diamond, 1992: 53; Кодин, 2003: 30; O'Connell, 1990: 197).

В то же время в Мюнхене на базе общественной эмигрантской публичной библиотеки создается немецкий независимый научно-исследовательский центр — Институт изучения СССР, полностью финансируемый и подконтрольный ЦРУ. Создание этого научного центра ранее рассматривалось в историографии как самостоятельное направление работы американских спецслужб и не связывалось с формированием единого политического объединения русской эмиграции. Рассекреченные документы однозначно указывают, что учреждение этой организации было частью единого плана превращения эмиграции в инструмент политической войны с СССР, разработанного и реализуемого Управлением политической координации ЦРУ.

Алгоритм создания политического объединения эмигрантов обнаруживает значительное сходство с процессом учреждения Института изучения России в Мюнхене (O'Connell, 1990: 266). Общим было прикрытие основных целей общественным характером создаваемых структур за счет привлечения американских общественных деятелей, организаций и ведущих университетских центров, координирующих все свои действия с профильными подразделениями Государственного департамента США, ЦРУ и Военно-воздушных сил США. Для создания этих организаций проводился тщательный отбор участников проекта из состава русской эмиграции с привлечением лиц, проверенных и отобранных американской военной разведкой для своих операций или преподавания в разведшколах в Регенсбурге и Оберамергау (там же: 260).

Важной чертой европейских проектов ЦРУ стало практическое отсутствие ограничений на привлечение бывших советских граждан, сотрудничавших с нацистами в годы Второй мировой войны, имевших опыт пропагандистской деятельности и могущих оказаться полезными в борьбе с СССР. Коллективный портрет основателей института воссоздан по документам личных дел из архива специальных служб США (военной разведки, ФБР, ЦРУ), многие из которых остаются пока закрытыми. Данные источники неизбежно контрастируют с доступными сегодня материалами эмигрантской прессы и воспоминаниями участников, где отчетливо прослеживается тенденция представить всех в выгодном свете и не иначе как в ореоле мучеников. Значительная их часть сотрудничала с нацистами, принимала участие во власовском движении во время войны и в организациях, созданных бывшими власовцами после ее окончания, после войны начала работать на американскую военную разведку, в том числе для подготовки диверсионных групп в разведшколах на территории Западной Германии (там же: 291). После окончания мюнхенского (и европейского) периода многие лидеры эмиграции продолжили работу на ЦРУ.

Отмеченные подходы к формированию организаций русской эмиграции предопределяли круг привлеченных лиц для большинства научных, культурных или общественных проектов, реализованных государственными структурами США. Коллективный портрет участников политического объединения еще предстоит создать. Однако такие лидеры эмигрантского движения, как Б. А. Яковлев (Троицкий), многолетний руководитель СБОНР, директор Института изучения СССР в Мюнхене, А. Г. Авторханов, инструктор американских разведшкол в Европе, член антикоммунистических этнических движений в послевоенной Европе, один из руководителей Мусульманского беженского комитета (там же: 284), и многие другие, оказывались востребованными для любого проекта под эгидой спецслужб.

По результатам серии встреч С. Вильямса с русскими организациями была достигнута договоренность о создании политического центра. Первое совещание антибольшевистских сил состоялось в городе Фюссен (Бавария, Германия) в январе 1951 г. Русскую эмиграцию, как и было запланировано ЦРУ, представляли четыре организации: НТС, СБОНР, группа Мельгунова, нью-йоркская лига.

Исследователи отмечают разношерстный состав участников, представлявших различные волны эмиграции. Несмотря на предварительные переговоры, нельзя сбрасывать со счетов, что организаторы и участники встреч представляли цель деятельности эмиграции по-разному. Для русских организаций создание единого антибольшевистского фронта — это вечная идея-мечта, вновь обретшая популярность в связи со значительным численным ростом эмиграции и эйфорией превращения изгнанных в мощную политическую, а возможно, и военную силу. Закаленные в политических спорах эмигрантские политики видели свою задачу в утверждении платформы объединения и созыве конгресса российской эмиграции (Климович, 2015).

Встреча завершилась принятием итогового компромиссного постановления, которое немедленно стало объектом для критики. Эмигрантская печать осудила собравшихся за попытку говорить от имени всей эмиграции, за нерешительность в отстаивании территориальной целостности России, отсутствие четкого указания на неделимость России, за слишком заметное участие «американцев» в русских делах и финансовую поддержку проекта Американским комитетом.

Координаторы из ЦРУ оценили встречу как «неуспешную», так как принятая идеологическая платформа не подходила для задуманного расширения состава участни-

ков за счет привлечения в объединение других национальных групп «на равноправной основе». Недостаточно четко была выражена приверженность «непредрешенческому» подходу к выбору будущего национально-государственного устройства, который «должен быть сделан самим народом, когда он получит возможность свободно выразить свою волю» (Office of Policy ... : Электронный ресурс).

Индивидуальная работа с каждой из организаций была продолжена, состоялись переговоры с эмигрантскими организациями других этнических групп. После нового раунда встреч в Вашингтоне Американский комитет назначил постоянного представителя в Европе для связи с этими группами на 1,5 года, с задачей скорейшей организации нового политического совещания (там же).

Подготовка второго совещания началась в июле 1951 г. с проведения консультаций с представителями уже пяти эмигрантских организаций. К участникам первой встречи добавилось Российское народное движение, созданное в Париже Р. Гулем в 1948 г., но оказавшееся в этом проекте из-за необходимости сохранить для будущего объединения «легитимного» А. Ф. Керенского, к этому времени покинувшего нью-йоркскую лигу в результате внутренних разногласий и возглавившего РНД.

17–20 августа 1951 г. в Штутгарте состоялась встреча пяти общественных организаций эмиграции. Было принято решение о создании Совета освобождения народов России на условиях, обозначенных американской стороной еще в Фюссене. Были утверждены органы управления, порядок их формирования. О создании новой организации было объявлено на пресс-конференциях во Франкфурте и Нью-Йорке. (Office of Policy ... : Электронный ресурс).

Эмигрантская общественность при обсуждении итогов совещания вновь сосредоточила свое внимание на идеологической платформе (дискуссии касались национального вопроса, возможности объединения на общей платформе с монархическими и крайне левыми партиями и т. д.).

Организаторы мероприятий с американской стороны были озабочены скорейшим переходом к практической деятельности, которая должна была вестись по четырем направлениям: «радиовещание, направленное на Советский Союз; издание газеты; политическая активность центра, исследовательский институт в Германии» (там же).

В сентябре 1951 г. на совместном заседании сотрудников Государственного департамента США и разведки (CIA-State Department ... : Электронный ресурс) были подведены итоги проекта по созданию политического центра. Руководитель проекта Фр. Уиснер обратил внимание собравшихся на достигнутый значительный прогресс и подписание протокола о совместной работе пятью русскими эмигрантскими организациями. «Заказчик» проекта — Государственный департамент — выразил «серьезные сомнения» в возможности «сплоченной совместной работы» со стороны групп, вошедших в состав Политического центра, и в его «способности оставаться единым» (CIA-State Department ... : Электронный ресурс). В связи с этим было предложено ввести «испытательный срок, во время которого Политический центр мог вести ограниченную деятельность, чтобы проверить способность групп, составляющих центр, работать вместе» (там же). Во-вторых, было предложено существенно сократить бюджет проекта, где наиболее значительные траты предполагались на организацию радиовещания. По политическим мотивам совместная работа по организации вещания на Восточную Европу и на Россию считалась нежелательной. Проекты «Свободной Европы» и освобождения России должны были развиваться по разным сценариям. Неуверенность в русских партнерах и стремление ограничить высокие расходы на

их содержание скорректировали приоритеты организаторов. Основными направлениями деятельности должны были стать «публикация и распространение газеты, отражающей взгляды Центра, поддержание Исследовательского института, созданного в Германии, радиотрансляции в экспериментальном режиме» (предполагалось задействовать в ограниченном масштабе без помех для текущей деятельности некоторые мощности радиостанции «Свободная Европа» (там же).

Дальнейшие совещания эмиграции (в том числе «висбаденское разочарование» (Климович, 2015) в Висбадене 1–7 ноября 1951 г.), хотя и не принесли кардинально новых политических решений, позволили государственным структурам США продолжить реализацию информационно-политической кампании, рассчитанной на жителей Советского Союза.

Совет освобождения народов России, созданный в ноябре 1951 г., на основе ранее достигнутых договоренностей объединил, по свидетельству одного из участников А. Авторханова, широкую коалицию: от «великороссов» — НТС, Союз борьбы за освобождение России, Российское народное движение, Союз борьбы за освобождение народов России, Лига борьбы за народную свободу; от национальных организаций — Совет Белорусской Народной Республики, Азербайджанский Народный Совет, Грузинский Национальный Совет, Туркестанский национальный комитет, Союз за свободу Армении, Северокавказское антибольшевистское национальное объединение (Карпов, 2000: 109). Объединение возглавил С. П. Мельгунов.

В 1952 г. после долгой дискуссии по национальному вопросу Совет был преобразован в «Координационный центр антибольшевистской борьбы» (КЦАБ). Устав Координационного центра отразил в полной мере представления американских стратегов, какая эмигрантская организация была им необходима. Создаваемый центр являлся «органом борьбы за свободу народов, населявших территорию Советского Союза» (Revised translation of the Statute ... : Электронный ресурс), а не широким объединением всей эмиграции. В связи с этим российские организации, которые принимают в нем участие, не должны были рассматривать себя в качестве «прообраза» будущего российского правительства, равно как и организации, представляющие другие национальные группы, в качестве представителей созданных в будущем национальных государств.

В дальнейшем эта эмигрантская организация (во всех ее политических трансформациях, сопровождавшихся новыми названиями, сменой участников и т. д.) полностью контролировалась американскими спецслужбами через Американский комитет освобождения народов России (Карпов, 2000: 110).

Отношение к этому политическому проекту в среде русской эмиграции было неоднозначным. Антикоммунистическая политика американского правительства соответствовала взглядам подавляющего большинства эмиграции. Начавшееся идеологическое противостояние открывало новые возможности общественного служения и профессионального самовыражения. Эмиграция оказалась востребована и для продолжения борьбы получила доступ к издательствам, прессе и радиовещанию.

Камнем преткновения оставался «национальный вопрос». Американские эксперты при поиске стратегии, объединяющей эмиграцию, неоднократно указывали, что «оппонентом являются не русские, но коммунистические правители России, и что самый ценный союзник в борьбе с ними — это русский народ» (Recommendations on Utilization ... : Электронный ресурс). Русский народ рассматривался как союзник, благодаря которому у американцев окажется в «распоряжении сила, которая представляет величайшую угрозу для Советского коммунизма, — национализм». Запад должен

был «привлечь русский народ, страдающий при коммунистической диктатуре, в ряды общего фронта борьбы против мирового коммунизма» (там же).

Однако институционального оформления этой идеи так и не последовало. Американские политики сделали ставку на поддержку националистических устремлений под лозунгом свободного волеизъявления народов, ставшим мощным фактором центрбежного ослабления коммунистического режима. Логическим завершением стало принятие «Закона о порабощенных нациях» в 1959 г. в соответствии с которым каждая третья неделя июля была объявлена ежегодной «Неделей порабощенных наций», пострадавших от «агрессивной политики русского коммунизма» и «империалистической политики коммунистической России» (Карпов, 2000: 111).

Совместить русский национализм с присущим ему представлением о целостности и неделимости российского государства с националистическими устремлениями эмигрантских организаций других народов СССР, тяготеющих к обретению независимости, оказалось невозможно. В практическом плане это означало крайне осторожное участие русской эмиграции в объединительных проектах с привлечением организаций других этнических групп, делало эти объединения крайне неустойчивыми и нежизнеспособными без внешней поддержки.

Эйфория американских государственных структур от возможностей использования русской эмиграции в антисоветской борьбе уступала место трезвым расчетам. Проект требовал постоянного внимания. В нем переплетались политические противоречия, организационные разногласия и бытовые проблемы. По мнению самих организаторов, для координации проекта им приходилось примирять, согласовывать и мириться с «марксизмом Николаевского, политическим бессилием Керенского, сумасбродством Отиса Свифта (заместителя руководителя Американского комитета, ответственного за ведение работы в Европе. — А. Р.), обвинениями, предъявляемыми сотруднику госдепартамента, назначенного к главе Комитета адмиралу Стивенсу, Кунихолму в марксизме» (Lucas, 1999: 200), и все это в одном городе, где пересекались, спорили и конфликтовали эмигрантские политики с теми, кто уже начал работать в организованных американцами центрах радиовещания (там же: 200). Среди причин, негативно влиявших на развитие проекта, в отчетах спецслужб указывается отсутствие надлежащей координации и взаимодействия внутри государственного аппарата, что вело к дублированию функций и выстраиванию взаимодействия с одной и той же эмигрантской организацией со стороны соперничающих американских структур, которые часто финансировали одну и ту же эмигрантскую организацию по разным каналам, из-за чего эмигранты становились «высокомерными в своей независимости» (там же: 161). Отмечалась недостаточная идеологическая целостность самой эмиграции. Неоднократно фиксировались злоупотребления со стороны самих организаций, использовавших любые уловки и трюки (в частности, инсценировки взрыва офисов, представленные как дело рук КГБ) для получения дополнительного финансирования (там же: 148).

В начале 1950-х годов критика отдельных аспектов взаимодействия сменяется общим недовольством. Координатор ЦРУ по связям с Американским комитетом по освобождению народов России называет проект «почти полным провалом», где «слишком много было заплачено не тем людям» (Lucas, 1999: 148). В докладах ЦРУ все чаще звучит мысль, что «открытая борьба с большевизмом сама по себе не требует единства эмиграции...» (The role of Soviet emigration ... : Электронный ресурс). Ресурсы эмиграции могут быть использованы по различным каналам, и не обязательно через ор-

ганизацию, объединяющую все группы. Границы политических объединений должны определяться исходя из возможности поддержания организации в рабочем состоянии, избегая хаоса политических и общественных дискуссий и склок (там же).

Ставка на политические объединения эмиграции уступает место планомерной работе на идеологическом фронте с задействованием всего арсенала доступных американскому правительству средств и возможностей как внутри страны, так и за рубежом. Американские спецслужбы продолжают привлечение отдельных лиц и организаций русской эмиграции через американские общественные организации, но эта поддержка будет носить крайне избирательный характер. Не вписавшаяся в этот политический тренд русская политическая эмиграция будет предоставлена себе и позабыта на несколько десятилетий. Эмигрантская жизнь будет пронизана ощущением «безвоздушного пространства», когда интеллектуальные силы иммиграции были вынуждены творить в «физически неизменно убывавшей среде» без возможности ее расширения за счет российского читателя или слушателя (Вишняк, 2005: 377). Ситуация изменится, когда в рамках очередной правительственной инициативы (по прямому указанию президента США) будет создана еще одна объединяющая всю русскую эмиграцию организация — Конгресс русских американцев. Но это уже история 1970-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассекреченные документы американских государственных структур открывают для историков российского зарубежья новые возможности по изучению процессов, протекавших в среде русской политической эмиграции в середине 1940-х и начале 1950-х годов. С началом холодной войны русская эмиграция оказалась в центре внимания государственных структур США и стала рассматриваться как важный ресурс военно-политического противоборства с СССР. Планы военных, разведывательно-диверсионных и пропагандистских операций в 1946–1951 гг. разрабатывались в Государственном департаменте США, ЦРУ, ФБР, Министерстве обороны.

Основополагающий подход американских государственных структур к использованию русской эмиграции в противоборстве с СССР определялся общей военно-политической стратегией, в рамках которой основное внимание было сосредоточено на нанесении военного удара с целью уничтожения коммунистического режима как угрозы существованию США. Планы последующего послевоенного устройства ослабленной и деморализованной России детально не прорабатывались. Будущая страна представлялась «Диким Востоком», где проснувшемуся от деспотии народу предстояло самому состояться как гражданской нации. Это означало отказ от ставки на эмиграцию как главную движущую силу посткоммунистического переустройства России. Общественное поле должно было стать ареной ожесточенного противоборства разрозненных политических сил, ни одна из которых не могла бы рассчитывать на полную поддержку с американской стороны. В связи с этим в американской стратегии по отношению к русской эмиграции не просматривались планы создания российского национального «правительства в изгнании», которое могло быть приведено к власти в ходе или после военно-политического конфликта. Определенную роль в таком подходе сыграли слабость и неорганизованность демократической части политической эмиграции, признанной американскими стратегами неспособной к самостоятельной реализации либерально-демократического проекта «сделано, как в США».

Основное внимание в идеологическом противостоянии было направлено на ведение пропагандистской работы по деморализации советского населения и сниже-

ние его способности оказать вооруженное сопротивление. Эмиграция вызвала интерес как ресурс мотивированных антикоммунистических сил, из которого предстояло отобрать уже имевших опыт ведения антисоветской борьбы, готовых к любой конфронтации, открытых для взаимодействия или уже работающих с американскими спецслужбами. Особое внимание спецслужбами уделялось эмигрантским организациям «угнетенных» народов СССР, националистические устремления которых рассматривались как важное оружие ослабления и дезинтеграции Советского государства.

Для использования кадрового и интеллектуального потенциала русской эмиграции спецслужбами США по заказу Государственного департамента была создана сеть американских и русских общественных организаций, выступавших в роли организаций прикрытия для операций информационно-психологической войны. В Нью-Йорке учреждается Американский комитет освобождения народов России, одним из первых проектов которого становится создание эмигрантской общественной организации в Европе как единого политического центра ведения пропаганды, направленной на жителей СССР. В результате серии политических совещаний и последующей индивидуальной работы с отобранными эмигрантскими организациями в качестве такого центра создается Совет освобождения народов России.

Идеологические разногласия участников политического объединения, особенно ярко проявившиеся при обсуждении национального вопроса и вопроса территориальной целостности России, неприятие широкими кругами старой эмиграции участников коллаборационистского власовского движения, критика проектов дезинтеграции России со стороны национально-патриотического кругов эмиграции оказывали постоянное давление на состав участников этого и создаваемых позднее на его основе объединений, делая их неустойчивыми и в итоге неработоспособными.

Отсутствие желаемых практических результатов от деятельности эмигрантских объединений заставило американских стратегов обратиться к поиску более эффективных форм использования русской эмиграции в военно-политическом противостоянии с СССР. С начала 1950-х годов происходит постепенный отказ от идеи создания единой антикоммунистической организации. Американские спецслужбы переходят к использованию интеллектуального, кадрового и иных ресурсов эмиграции в рамках специальных проектов (научных, культурных, издательских, радиовещательных и т. д.). Эта практика сохранится в течение нескольких десятилетий, а преемственность в использовании политической эмиграции в подготовке и свержении враждебных Америке режимов через насаждение на освобожденной территории «кровавого хаоса», из которого в муках рождаются новые гражданские нации, отчетливо прослеживается и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антошин, А. В. (2008) Российские эмигранты в условиях «холодной войны»: середина 1940-х — середина 1960-х гг. М. : Изд-во Урал. гос. ун-та. 659 с.

Базанов, П. Н. (2008) Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : СПбГУКИ. 468 с.

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции (1997) : сб. статей и документов / сост. Карпов В. С. и др. ; под общ. ред. А. В. Попова / Материалы к истории русской политической эмиграции Вып. III. М. : ИАИ РГГУ. 376 с.

Вишняк, М. (2005) Годы эмиграции. 1919–1969. СПб. : Формат. 480 с.

- Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. (2006) : пер с англ. / сост. и авт. вступит. ст. И. М. Ильинский. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 504 с.
- Ильинский, И. М. (2007) Холодная война — настоящая война. Беседа И. М. Ильинского с Ф. Д. Бобковым // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 6–20.
- Карпов, С. В. (2000) Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза // Зарубежная Россия = Russian Abroad: 1917–1939 : сб. статей / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб. : Лики России. С. 108–112.
- Кеннан, Дж. (2001) Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. №3. С. 81–98.
- Климович, А. В. (2015) Попытка объединения российской эмиграции в 1950-е годы (по материалам совещаний эмигрантских организаций в Фюссене, Штутгарте, Висбадене) // Научный диалог. №12 (48). С. 268–279.
- Кодин, Е. В. (2003) Гарвардский проект. М. : РОССПЭН. 207 с.
- Нитобург, Э. А. (2005) Русские в США. История и судьбы: 1870–1970. М. : Наука. 421 с.
- Попов, А. В. (2004) Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Новый исторический вестник. №1 (10). С. 54–70.
- Ульянкина, Т. И. (2010) «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М. : РОССПЭН. 639 с.
- Филиппов, С. В. (1973) США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство. М. : Наука. 203 с.
- Шкаренков, А. К. (1987) Агония белой эмиграции. 3-е изд. М. : Мысль. 236 с.
- Эмиграция и репатриация в России (2001) / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедев, М. В. Назаров, А. В. Огороков. М. : Попечительство о нуждах российских репатриантов. 490 с.
- Яковлев, Н. Н. (1983) ЦРУ против СССР. М. : Правда. 464 с.
- Albanese, D. (2015) In search of a lesser evil: anti-soviet nationalism and the cold war : Diss. Boston. 291 p.
- Anti-communist minorities in the U.S.: political activism of ethnic refugees (2009) / ed. by I. Zake. New York. 278 p.
- Blum, W. (2004) Killing hope: U.S. military and CIA interventions since World War II. Monroe. 471 p.
- CIA-State Department Reservations about Broadcasting to the Soviet Union, September 06, 1951, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114364> (дата обращения: 28.05.2017).
- Cohen, G. D. (2012) In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order. New York : Oxford University Press. 237 p.
- Diamond, S. (1992) Compromised Campus: The Collaboration of Universities with the Intelligence Community, 1945–1945. Oxford University Press. 371 p.
- George F. Kennan on Organizing Political Warfare, April 30, 1948, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114320> (дата обращения: 15.05.2017).
- Inauguration of organized political warfare: Cold War organizations sponsored by the National Committee for a Free Europe / Free Europe Committee (2013) / ed. by K. K. Lynn. Helena History Press, Saint Helena, CA, USA. 610 p.
- Kelley Memorandum on Utilization of Russian Political ?migr?s, May 03, 1949, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114325> (дата обращения: 7.05.2017).
- LaFeber, W. (2004) America, Russia, and the Cold War, 1945–2002. New York. 487 p.
- Lucas, S. (1999) Freedom's war: the American crusade against the Soviet Union. New York. 301 p.
- O'Connell, Ch. (1990) Social structure and science: Soviet Studies at Harvard. Ph.D. Diss. UCLA, Los Angeles. 523 p.

Office of Policy Coordination and Free Europe Committee Officials Brief J. Edgar Hoover, April 19, 1949, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114324> (дата обращения: 21.05.2017).

Office of Policy Coordination History of American Committee for Liberation, August 21, 1951, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114354> (дата обращения: 26.05.2017).

Problems and programs of the Russian émigré (1954). Survey based on IR-6593, May 14, 1954, DRS, OIR, Department of State [Электронный ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-03362A002200040002-9.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

Puddington, A. (2000) Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. University Press of Kentucky. 382 p.

Recommendations on Utilization of the Russian Emigration, April 26, 1950, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114336> (дата обращения: 19.05.2017).

Revised translation of the Statute of the Coordinating Center of Anti-Bolshevik Struggle. AMCONGEN, Munich, 25.11.1952 [Электронный ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-01065a000300060010-8> (дата обращения: 02.05.2017).

Return of émigré to the Soviet Union. Report. 06.07.1955 [Электронный ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00810A007300320001-8.pdf> (дата обращения: 03.05.2017).

Russian Emigrant organizations (1950). Information report. 29.03.1950 [Электронный ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R004400040003-3.pdf> (дата обращения: 24.04.2017).

Russian émigré organizations (1951). Information report. 10.07.1951 [Электронный ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00926A003800030004-5.pdf> (дата обращения: 18.04.2017).

The role of the soviet emigration. Report. 6.02.1953 [Электронный ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-04718A000800010009-5.pdf> (дата обращения: 24.04.2017).

Дата поступления: 05.06.2017 г.

*“SPEAKING WITH THE RUSSIANS ON BEHALF OF THE RUSSIANS”. RUSSIAN EMIGRATION
IN THE PLANS OF THE AMERICAN INTELLIGENCE SERVICE AT THE BEGINNING
OF THE COLD WAR*

A. B. RUCHKIN

CENTRE FOR EDUCATION AND CULTURE «GRINT», MOSCOW

The article examines the plans of American intelligence services for the use of Russian emigration in Europe and the United States during the initial period of the Cold War. The deterioration of bilateral relations makes the issues connected with the semicentennial military and political confrontation of the superpowers relevant again. The study of historical experience is essential today to identify the forms and methods of using the national diaspora in the interests of foreign states, which is critical for understanding a possible development of events and for designing an actual and variable policy towards compatriots abroad.

The insights of the American intelligence services into the social composition, political structure and centres of political influences are reconstructed on the basis of declassified documents of the US State Department, the Central Intelligence Agency, materials of meetings of interdepartmental groups and committees, some of which are introduced into science for the first time.

In the late 1940s and early 1950s, American intelligence officers created American and Russian public associations in America and Europe which acted as cover-up organizations for operations of information-psychological warfare. The process of creating those associations is studied using the example of the American Committee for the Liberation of Peoples of Russia and the Council for the Liberation of the Peoples of Russia. The author reveals the reasons why the creation of a single emigrant anti-communist organization as an instrument of a political war was found to be unpromising back in the early 1950s, formulates the general conceptual approaches of American intelligence services to the use of Russian emigration on the Cold War fronts, including those that still remain relevant today.

Keywords: the USA; Russian emigration; Russian émigré community; Russian immigration to the USA; public organizations; Cold War; Russian-American relations

REFERENCES

- Antoshin, A. V. (2008) *Rossiiskie emigranty v usloviakh «kholodnoi voiny»: seredina 1940-kh — seredina 1960-kh gg.* Moscow, Izd-vo Ural. gos. un-ta. 659 p. (In Russ.).
- Bazanov, P. N. (2008) *Izdatel'skaia deiatel'nost' politicheskikh organizatsii russkoi emigratsii (1917–1988 gg.)*. 2nd ed. St. Petersburg, SPbGUKI. 468 p. (In Russ.).
- V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroi emigratsii (1997)*: sb. statei i dokumentov / comp. V. S. Karpov et al.; ed. by A. V. Popov / Materialy k istorii russkoi politicheskoi emigratsii. Vol. III. Moscow, IAI RGGU. 376 p. (In Russ.).
- Vishniak, M. (2005) *Gody emigratsii. 1919–1969*. St. Petersburg, Format. 480 p. (In Russ.).
- Glavnyi protivnik: Dokumenty amerikanskoi vneshnei politiki i strategii 1945–1950 gg. (2006)*: transl. by English, comp. by I. M. Il'inskii. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 504 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2007) Kholodnaia voina — nastoiashchaia voina. Beseda I. M. Il'inskogo s F. D. Bobkovym. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 6–20. (In Russ.).
- Karpov, S. V. (2000) Rossiiskaia emigratsiia v informatsionnoi voine protiv Sovetskogo Soiuza. In: *Zarubezhnaia Rossiia = Russian Abroad: 1917–1939*: sb. statei / ed. by V. Iu. Cherniaev. St. Petersburg, Liki Rossii. Pp. 108–112. (In Russ.).
- Kennan, Dzh. (2001) Amerika i russkoe budushchee. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, pp. 81–98. (In Russ.).
- Klimovich, L. V. (2015) Popytka ob'edineniia rossiiskoi emigratsii v 1950-e gody (po materialam soveshchaniu emigrantskikh organizatsii v Fiussene, Shtutgarte, Visbadene). *Nauchnyi dialog*, no. 12 (48), pp. 268–279. (In Russ.).
- Kodin, E. V. (2003) *Garvardskii proekt*. Moscow, ROSSPEN. 207 p. (In Russ.).
- Nitoburg, E. L. (2005) *Russkie v SShA. Istoriia i sud'by: 1870–1970*. Moscow, Nauka. 421 p. (In Russ.).
- Popov, A. V. (2004) Miunkhenskii institut po izucheniiu istorii i kul'tury SSSR i vtoraiia volna emigratsii. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (10), pp. 54–70. (In Russ.).
- Ul'iiankina, T. I. (2010) «Dikaia istoricheskaia polosa...» *Sud'by rossiiskoi nauchnoi emigratsii v Evrope (1940–1950)*. Moscow, ROSSPEN. 639 p. (In Russ.).
- Filippov, S. V. (1973) *SShA: immigratsiia i grazhdanstvo. Politika i zakonodatel'stvo*. Moscow, Nauka. 203 p. (In Russ.).
- Shkarenkov, L. K. (1987) *Agoniia beloi emigratsii*. 3rd ed. Moscow, Mysl'. 236 p. (In Russ.).
- Emigratsiia i repatriatsiia v Rossii (2001)* / V. A. Iontsev, N. M. Lebedev, M. V. Nazarov and A. B. Okorokov. Moscow, Popchitel'stvo o nuzhdakh rossiiskikh repatriantov. 490 p. (In Russ.).
- Iakovlev, N. N. (1983) *TsRU protiv SSSR*. Moscow, Pravda. 464 p. (In Russ.).
- Albanese, D. (2015) *In search of a lesser evil: anti-soviet nationalism and the cold war*: Diss. Boston. 291 p.
- Anti-communist minorities in the U.S.: political activism of ethnic refugees (2009)* / ed. by I. Zake. New York. 278 p.
- Blum, W. (2004) *Killing hope: U.S. military and CIA interventions since World War II*. Monroe. 471 p.

CIA-State Department Reservations about Broadcasting to the Soviet Union, September 06, 1951, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson. *Wilson Center Digital Archive* [online] Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114364> (access date: 28.05.2017).

Cohen, G. D. (2012) *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order*. New York, Oxford University Press. 237 p.

Diamond, S. (1992) *Compromised Campus: The Collaboration of Universities with the Intelligence Community, 1945–1945*. Oxford University Press. 371 p.

George F. Kennan on Organizing Political Warfare, April 30, 1948, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson. *Wilson Center Digital Archive* [online] Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114320> (access date: 15.05.2017).

Inauguration of organized political warfare: Cold War organizations sponsored by the National Committee for a Free Europe / Free Europe Committee (2013) / ed. by K. K. Lynn. Helena History Press, Saint Helena, CA, USA. 610 p.

Kelley Memorandum on Utilization of Russian Political émigrés, May 03, 1949, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson. *Wilson Center Digital Archive* [online] Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114325> (access date: 7.05.2017).

LaFeber, W. (2004) *America, Russia, and the Cold War, 1945–2002*. New York. 487 p.

Lucas, S. (1999) *Freedom's war: the American crusade against the Soviet Union*. New York. 301 p.

O'Connell, Ch. (1990) *Social structure and science: Soviet Studies at Harvard*. Ph.D. Diss. UCLA, Los Angeles. 523 p.

Office of Policy Coordination and Free Europe Committee Officials Brief J. Edgar Hoover, April 19, 1949, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson. *Wilson Center Digital Archive* [online] Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114324> (access date: 21.05.2017).

Office of Policy Coordination History of American Committee for Liberation, August 21, 1951, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson. *Wilson Center Digital Archive* [online] Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114354> (access date: 26.05.2017).

Problems and programs of the Russian émigré (1954). Survey based on IR-6593, May 14, 1954, DRS, OIR, Department of State. *CIA* [online] Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-03362A002200040002-9.pdf> (access date: 15.04.2017).

Puddington, A. (2000) *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. University Press of Kentucky. 382 p.

Recommendations on Utilization of the Russian Emigration, April 26, 1950, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson. *Wilson Center Digital Archive* [online] Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114336> (access date: 19.05.2017).

Revised translation of the Statute of the Coordinating Center of Anti-Bolshevik Struggle. AMCONGEN, Munich, 25.11.1952. *CIA* [online] Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-01065a000300060010-8> (access date: 02.05.2017).

Return of émigré to the Soviet Union. Report. 06.07.1955. *CIA* [online] Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00810A007300320001-8.pdf> (access date: 03.05.2017).

Russian Emigrant organizations (1950). Information report. 29.03.1950. *CIA* [online] Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R004400040003-3.pdf> (access date: 24.04.2017).

Russian Émigré organizations (1951). Information report. 10.07.1951. *CIA* [online] Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00926A003800030004-5.pdf> (access date: 18.04.2017).

The role of the soviet emigration. Report. 6.02.1953. CIA [online] Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-04718A000800010009-5.pdf> (access date: 24.04.2017).

Submission date 05.06.2017.

Ручкин Александр Борисович — доктор исторических наук, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ». Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-74-30. Эл. адрес: arouchkin@yandex.ru

Ruchkin Alexander Borisovich, Doctor of History, Director, Centre for Education and Culture "GRINT". Postal address: 5, Bld. 6, Yunosti St., Moscow, Russian Federation 111395. Tel.: +7 (499) 374-74-30. E-mail: arouchkin@yandex.ru